

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-267-270

НАУЧНЫЙ СЕМИНАР ОТДЕЛА ПО ИЗУЧЕНИЮ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА В 2022 ГОДУ

К числу научных традиций одного из старейших отделов Пушкинского Дома — Отдела по изучению русской литературы XVIII века — принадлежат открытые научные заседания, проходящие вот уже почти 70 лет ежемесячно (с 1970-х годов — в последний четверг месяца). На таких заседаниях докладчиками выступают как сотрудники Отдела, так и коллеги из других учреждений, отечественных и зарубежных. Обычно на заседании заслушивается один доклад (как исключение два), после чего он всесторонне обсуждается. В обсуждении принимают участие все присутствующие. В последние три года заседания транслируются, что открыло возможность постоянно участвовать в них иногородним и иностранным коллегам, превратив традиционные собрания в международный семинар. Среди постоянных слушателей за это время — исследователи XVIII века из Санкт-Петербурга, Москвы, Новосибирска, Болгарии, Италии, КНР, Польши, США, Украины, Франции, ФРГ, Японии.

В течение 2022 года Отдел по изучению русской литературы провел 9 открытых научных заседаний, на которых было прочитано 10 докладов.

1 февраля с докладом «Басни Р. Лэтранжа в стихотворных переложениях А. П. Сумарокова» выступила Е. Д. Кукушкина (Санкт-Петербург). Доклад явился сопутствующим результатом работы Е. Д. Кукушкиной над подготовкой притч Сумарокова для академического Полного собрания его сочинений, в котором они составляют основной раздел 7-го тома. В докладе были рассмотрены притчи Сумарокова, сюжетную основу которых составили басни, вошедшие в книгу английского литератора Рожера Лэтранжа (Roger L'Estrange, 1616–1704) «Fables, of Aesop and other eminent mythologists: with morals and reflections» (1692), известную в России в переводе С. С. Волчкова «Езоповы басни с нравоучением и примечаниями Рожера Лэтранжа» (СПб., 1747). По наблюдениям докладчицы, обращение к книге Лэтранжа обогатило сюжетное разнообразие притчей Сумарокова, к некоторым басням из этой книги русский баснописец обращался дважды, по-разному раскрывая выразительные возможности сюжета. Как правило, Сумароков разрушал рамки заимствованного сю-

жета, меняя его смысл, а подчас дополняя рассказанную притчу сатирическими замечаниями.

В прениях докладчице были заданы вопросы о числе притчей Сумарокова, восходящих к книге Лэтранжа, о предполагаемом способе знакомства Сумарокова с книгой, так как английского языка он не знал, о критерии выделения тех притчей Сумарокова, что восходят к Лэтранжу, а также о немецком переводе книги Лэтранжа. Отвечая на вопросы, Е. Д. Кукушкина сообщила, что, по ее мнению, из 27 басен Лэтранжа, сюжеты которых частично совпадают с притчами Сумарокова, только 20 притч можно считать переложениями из Лэтранжа; что Сумароков использовал в работе русский перевод книги, сделанный Волчковым, что критерием определения источника притчи для нее служил сюжет, не встречающийся у других авторов, и что имя немецкого переводчика Лэтранжа неизвестно. В прениях профессор М. Шруба указал на капитальный труд Елены Имендерфер (Helen Imendörffer) «Die Geschichte der russischen Fabel im 18. Jahrhundert. Poetik, Rezeption und Funktion eines literarischen Genres» (Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1998), в котором приведены подсчеты немецкой исследовательницы притчей Сумарокова, восходящих к Лэтранжу, не совпадающие с подсчетом Е. Д. Кукушкиной. В целом докладу Е. Д. Кукушкиной была дана высокая оценка как основе для комментирования притчей Сумарокова.

24 февраля заседание Отдела было посвящено выступлениям студентов кафедры истории русской литературы филологического факультета Санкт-Петербургского университета. В своем докладе «Полтавская победа в русской панегирической литературе XVIII века» А. Е. Трофимов проследил прославление Полтавской битвы в панегириках XVIII века, начиная со слов Феофана Прокоповича, Стефана Яворского и Гавриила Бужинского. По его наблюдениям, со второй половины века внимание к Полтаве у поэтов ослабевает, свое место в одах и словах она уступает другим более актуальным военным событиям, при этом до конца века упоминания о Полтавской победе характерны для од М. Н. Муравьева, Г. Р. Державина и других одописцев. В обсуждении доклада

С. И. Николаевым было высказано пожелание докладчику расширить материал исследования за счет привлечения торжественных слов, школьных пьес, кантов, триумфальных ворот, медальерного искусства. Только тогда, по мысли С. И. Николаева, мы увидим все этапы создания исторической мифологии, связанной с Полтавской победой. Н. Ю. Алексеева отметила, что в работе А. Е. Трофимова дано описание упоминаний Полтавы без аналитического их исследования. По ее мнению, желательно было бы выбрать ракурс подхода к теме. Он может быть идеологический, и тогда необходимо учитывать пропаганду Полтавской победы, осуществлявшуюся государственной властью, а может быть и филологический, что было бы для нас более ценным. Однако, как развернуть собранные А. Е. Трофимовым данные в сторону филологии, вопрос, о котором молодому исследователю следует глубоко думать.

А. А. Петров в докладе «Особенности творческой истории ранних трагедий А. П. Сумарокова» рассмотрел основные принципы авторской правки трагедий «Хорев» (1747), «Синав и Трувор» (1749), «Семира» (1751) и «Димиза» (1758) при подготовке их к переизданию в 1768 году. Правка трех первых трагедий во многом была определена требованиями ритмики, рифмы, драматизма, стилистики, а также организацией сценического пространства. Вместе с тем решающая роль в правке играет, по мнению докладчика, проблематика трагедий. На примере «Хорева» А. А. Петровым было продемонстрировано, как меняется у Сумарокова концепция жанра трагедии: если в первом варианте трагедии герои были жертвами рока, то в новом — усиливается мотив их личной вины, а акцент на участии богов, напротив, снимается. Такая тенденция проявилась, в частности, в изменении монолога Кия в первом явлении пятого действия.

Доклад вызвал оживленную дискуссию. Среди вопросов, заданных А. А. Петрову, был вопрос о предпочтительности, по его мнению, вариантов трагедий в качестве основного текста для издания в Полном собрании сочинений. По мнению А. А. Петрова, следует полностью печатать оба варианта «Хорева», для других трагедий можно давать лишь различия. П. Р. Заборов задал вопрос о характере изменений языка Сумарокова, проявившихся в правке. А. А. Петров склоняется к тому, что скорее в правке отразилась эволюция сумароковских представлений об устройстве языка (например, ударность местоимений), чем общезыковые изменения, с их стремлением к очищению от устаревших слов и выражений. У Сумарокова иная тенденция: введение в текст славянизмов, что, очевидно, было призвано служить передаче «высоты» предмета. Доклад был высоко оценен, были высказаны пожелания о публикации его материалов.

31 марта на заседании Отдела был заслушан доклад К. Ю. Лаппо-Данилевского (Санкт-Петербург) «Андрей Тейльс — писатель, который все же существовал», в котором на основании

архивных разысканий была реконструирована биография Андрея Александровича Тейльса (1782–1822) и рассказано о его творчестве. Так, сентименталистская лирика и переводы с французского, напечатанные в журналах «Иппокрена» (1799), «Новости» (1799), «Новости русской литературы» (1803), «Северный вестник» (1805), «Лицей» (1806) и «Северный Меркурий» (1811), ранее ошибочно приписывавшиеся Антону Антоновичу Тейльсу (1733 — после 1798), дяде Андрея Александровича, в докладе аргументированно атрибутированы Андрею Тейльсу. По мнению докладчика, ему же принадлежат «Путешествие в Норвегию одного молодого человека в 1801 году» (напечатано в 1811 году с подписью «А. Тейльс» в «Северном Меркурии») и «Путешествие в Швецию» (опубликовано вслед за «Путешествием в Норвегию» в «Северном Меркурии»). Таким образом, жизнь и творчество Андрея Александровича Тейльса, до сих пор представлявшиеся смутно, получили наконец определенность.

Доклад вызвал живое обсуждение, среди вопросов к докладчику был вопрос об откликах на литературную работу Андрея Тейльса, на который К. Ю. Лаппо-Данилевский ответил, что всемерно старался их выявить, но пока, кроме «Идиллии на возвращение из Норвегии друга моего А. А. Тейльса в 800-м году октября 29 дня», опубликованной в 1810 году за подписью «П — рь У — овь» (Петр Александрович Ушаков (?), 1783 — после 1804), другие отклики неизвестны. При единодушной высокой оценке доклада отмечались тщательность и целеустремленность многолетних разысканий К. Ю. Лаппо-Данилевского, увенчавшихся прекрасным результатом.

28 апреля был заслушан доклад Марины ди Сальво (Павия, Италия) «Российско-венецианские связи в Петровскую эпоху». Доклад был посвящен проблеме возникновения взаимного интереса в русско-венецианских отношениях петровского времени. Если для русских связи с Венецией были ценны обретением новых знаний и навыков, итальянцам в России открывался новый мир, а вместе с ним новые профессиональные возможности. Как пример такого взаимодействия в докладе были рассмотрены два эпизода. С. Альбергетти свой трактат о новом типе снарядов собирался показать Петру Великому во время планировавшегося визита русского царя в Венецию, когда же визит не состоялся, итальянец передал трактат в Москву вместе со своим пожеланием переехать туда, чтобы научить использовать снаряды в морских баталиях. Второй эпизод связан с пребыванием петровских «навигаторов» в Венеции и с переводом князем Г. Ф. (?) Долгоруковым трактата «Архитектура цывилна». Г. Делля Веккия, с которым он сотрудничал в этом деле, в последующие годы составил схожий трактат, оставшийся в рукописи, а после основания Санкт-Петербурга предложил проект для реализации дидактических садов в новой столице.

Доклад вызвал живой интерес, вопросы к докладчице касались главным образом трак-

тата об архитектуре, переведенного кн. Долгоруковым, меры его известности в России, влияния его на российские архитектурные проекты. Выступая с заключительным словом, С. И. Николаев указал на важность исследования, поскольку русско-итальянские связи до сих пор остаются в тени североевропейского влияния на новую русскую культуру.

26 мая на заседании Отдела с докладом «Вокруг книги Я. И. Басина „Национальные изображения промышленников“ (1799)» выступил Манфред Шруба (Италия, Милан). В докладе была дана биография Я. И. Басина и описано содержание его книги 1799 года «Национальные изображения промышленников», включающей в себя изображения петербургских разносчиков с подписями к ним. М. Шруба установил иностранный источник как иллюстраций, так и текстов в книге, это издание «Beschreibung der unter dem Titel: St. Petersburgische Hausierer herausgegebenen Kupfer, zur Erklärung der darauf abgebildeten Figuren» (St. Petersburg: Carl Lissner, 1794. Heft 1–3), которое осуществили немецкие художники Хр. Г. Шенберг (Ch. G. Schönberg) и Хр. Г. Г. Гейслер (Ch. G. H. Geissler) (в описании книги Басина в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века» указан неверный источник). В докладе была охарактеризована жанровая принадлежность иллюстрированных изданий подобного рода — «выкрики», весьма распространенная в Западной Европе XVII и XVIII столетий разновидность «жанровых картин» с серийными изображениями торговцев вразнос. В заключение были кратко представлены 16 серийных изданий с русскими торговцами вразнос, созданные как в России, так и за границей с 1750-х годов вплоть до середины XIX века.

Доклад вызвал оживленное обсуждение. Задавались вопросы о значении слова «промышленник», которое, по мнению К. Ю. Лаппо-Данилевского, видимо, призвано было передать немецкое «Hausierer». На что М. Шруба исчерпывающего ответа дать не мог, хотя, конечно, думал над тем, что в XVIII веке слова «промышлять» и «промысел» более относились к мастерской, чем к заводской деятельности. С. И. Николаев в своем выступлении упомянул, что слово «промышленник» как человек, занимающийся каким-либо промыслом, вошло в русский язык как раз в 1790-е годы, как считается, с легкой руки Н. М. Карамзина. В прениях указывались разные параллели к картинкам из книги Басина, в том числе изображения разносчиков на изразцах и в виде фарфоровых статуэток. Весь этот материал М. Шрубе хорошо знаком, и, по его мнению, весь он восходит к книге Басина. Доклад был единодушно высоко оценен.

30 июня на заседании Отдела с докладом «Сочинения Дж. Бонеки: российские издания и рукописи (1744–1761)» выступил А. О. Дёмин (Санкт-Петербург). В докладе впервые был дан обзор творчества итальянского поэта, служившего в 1742–1752 годах придворным поэ-

том при Петербургском дворе. Дж. Бонеки (ок. 1715 — ок. 1795) известен прежде всего как автор либретто опер, рукописи части которых были обнаружены А. О. Дёминым в Отделе рукописей БАН. К ним относится рукопись «Серенады на Шведский мир 1743 года» («In occasione della pace conchiusa tra l'Imperio di Russia e la Corona di Svezia L'anno 1743»), а также подготовленный в 1748 году Бонеки неизвестный ранее сборник его стихотворений с посвящением саксонскому посланнику при русском дворе графу Людвигу Зигфриду фон Фицтуму. В то же время оригинал заметки Бонеки о Лиссабонском землетрясении, известной по ее русскому переводу в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1756, 2 сент.), обнаружить пока не удалось. Докладчик показал, что комедия «Соединение Любви и Брака» (1745) приписывалась Бонеки без достаточных на то оснований и ее следует исключить из списка его сочинений.

Среди вопросов к докладчику был вопрос М. Шрубы о версии, высказанной Стефано Гардзонио, что либретто «Селевка» является плагиатом либретто другого итальянского поэта. В своем ответе А. О. Дёмин опротестовал это утверждение, сославшись на исследование З. Ахметшиной «„Селевка“ Ф. Арайи: опера и ее рукописи в библиотеке Петербургской Консерватории» (Opera musicologica. 2014. № 3 (21). С. 48–49), в котором проведено сравнение либретто оперы Апостола Дзено «Антиох», в плагиате которой упрекают Бонеки, с «Селевкой», показавшее слишком малое их сходство для подобного обвинения. На другой вопрос о якобы негативном отношении к Бонеки Ломоносова докладчик справедливо заметил, что это мнение, впервые гипотетически высказанное И. З. Серманом в статье «Ломоносов и придворные итальянские стихотворцы 1740-х годов», не имеет твердых оснований. Скорее всего, оба поэта были мало знакомы. Исследование А. О. Дёмина имеет высокую историко-литературную ценность. Деятельность Бонеки в Петербурге как придворного поэта вызывает острый интерес, поскольку нам ничего не известно о реальном статусе «придворного поэта» при русском дворе. Собранные А. О. Дёминым сведения о жизни и творениях Бонеки приближают к пониманию этого феномена.

29 сентября в докладе «К вопросу о месте погребения Ф. Г. Волкова» Л. М. Старикова (Москва) подробно и занимательно осветила две существующих до сих пор версии места погребения Ф. Г. Волкова. Согласно биографической статье Н. И. Новикова в его «Опыте словаря русских писателей», актер был похоронен в Андрониковом монастыре, который и до сих пор считается в литературе о Волкове местом его упокоения, хотя могила была утрачена уже к середине XIX века. По другой версии, он был похоронен на кладбище Благовещенской церкви в Петербурге, но эта версия еще в 1950-е годы была признана несостоятельной. Еще в начале 1980-х годов докладчица

обнаружила в РГИА (ЦГИАЛ) документ с подробным перечнем затрат на пышные похороны Волкова, составленный, по ее мнению, Г. Г. Волковым, братом Федора Григорьевича. На основании этого «Щета» можно с большой долей вероятности утверждать, что актер был погребен в Златоустовском монастыре, в котором и скончался, будучи помещен в находящуюся при нем больницу. В последние годы в единственно сохранившемся от прежнего монастыря здании расположился научный «Центр изучения истории и наследия Московского Златоустовского монастыря», с большим вниманием относящийся к версии о погребении в нем Волкова и продолживший вместе с Л. М. Стариковой дальнейшее исследование этого вопроса.

Доклад был принят с большим интересом. В прениях отмечалось стремление Л. М. Стариковой критически оценивать не подтвержденные фактами сведения и на основании архивных разысканий восстанавливать подлинную историю событий.

27 октября с докладом «Дети в притчах А. П. Сумарокова» выступила Е. Д. Кукушкина (Санкт-Петербург). В своем докладе она сосредоточилась на тех притчах Сумарокова, в которых речь идет о детях. В отдельных притчах дается изображение детей, говорится о их занятиях, играх, в некоторых — воспроизводится детская речь. Все это, по мнению докладчицы, отражает живой интерес поэта к детям, и его зарисовки — бесценное свидетельство о детских нравах и быте XVIII века, когда литература еще не уделяла им специального внимания.

Доклад вызвал острую дискуссию, сводшуюся к проблеме статуса ребенка в XVIII веке, возраста в этот период взросления, детства как социальной проблемы. Собравшиеся единодушно признали, что статус ребенка в эту эпоху существенно отличался от его статуса в позднейшие времена, что проблема детства имела и социальное измерение, и в разных слоях взросление наступало в разное время. В дискуссии были приведены примеры из мемуарной литературы о раннем взрослении людей XVIII века, а также ссылки на документы, связанные с ранним началом службы, военной и гражданской. Многие из собравшихся согласились, что притчи Сумарокова служат ценным источником сведений о детях середины XVIII века.

24 ноября на заседании Отдела доклад «Природа в творчестве А. П. Сумарокова» сделала Н. Д. Кочеткова (Санкт-Петербург). К особенностям подхода докладчицы следует отнести фронтальное рассмотрение изображения природы во всем известном нам творчестве писателя. Н. Д. Кочетковой были учтены практически все высказывания Сумарокова о природе в разных жанрах лирики (от песни до перело-

жения псалмов), в трагедиях и в прозаических сочинениях. Хотя большая их часть воспроизводит общие места русского фольклора (песни) и идеального европейского пейзажа, по мнению докладчицы, в отдельных высказываниях Сумарокова намечается его личное отношение к природе, ее переживание. И это впервые в русской литературе. Таким образом, Сумароков предвосхищает изображение природы в литературе сентиментализма.

Доклад вызвал живое обсуждение и много вопросов, среди которых был вопрос П. Р. Заборова о том, есть ли в пейзажах Сумарокова следы именно русской природы. В ответ Н. Д. Кочеткова сообщила, что, конечно, в настоящем, т. е. привычном нам смысле о русском начале в изображении Сумароковым природы говорить не приходится, но у него в эклогах среди цветов называется василек, а среди деревьев — береза. Между тем большинство собравшихся с видимой осторожностью отнеслись к идее непосредственного пейзажа у Сумарокова, приводя примеры его подчиненности общим формулам. Несмотря на скепсис слушателей, они признали доклад очень ценной заявкой в исследовании вопроса о рождении русского пейзажа в литературе.

29 декабря Н. Ю. Алексеева (Санкт-Петербург) в докладе «Кто был автором хоров, исполнявшихся в маскарade „Торжествующая Минерва“» поделилась своими наблюдениями над тем, что известные по публикации в брошюре «Торжествующая Минерва» «Хоры к Большому маскарade», воспроизведенные затем Н. И. Новиковым в «Полном собрании всех сочинений» А. П. Сумарокова, не совпадают с перечнем хоров, данным Ф. Г. Волковым в его «Описании маскарade», а также с хорами, названными в описании маскарade французским дипломатом Де Буляром. Последний сообщает и содержание исполнявшихся песен (хоров), в ряде случаев отличное от хоров Сумарокова. На этом основании можно предположить, что большая часть хоров Сумарокова в маскарade не исполнялись и были заменены песнями, сочиненными другими авторами. К их числу относится, по-видимому, в первую очередь сам Волков.

Гипотеза Н. Ю. Алексеевой была встречена со вниманием и сочувствием, докладчице задавались вопросы о судьбе «Другого хора ко „Превратному свегу“», о причинах игнорирования хоров Сумарокова. В своем ответе Н. Ю. Алексеева высказала предположение, что хоры были написаны Сумароковым на ранней стадии работы над маскарadem и по ходу его постановки, видимо, устаревали, что и служило причиной (или поводом) отказа от них.

© Н. Ю. Алексеева